

Знакомство с поэзией

В детстве Иосиф не читал стихов за пределами школьной программы. Сам он, посмеиваясь, вспоминает, что первую книгу стихов прочитал в шестнадцать лет – по совету матери взял в библиотеке «Гулистан» Саади¹⁰¹. Нравоучительные вирши персидского поэта в топорных переводах большого впечатления на подростка не произвели. Зато «ужасно понравился» Роберт Бернс в переводе Маршака, «но сам я ничего не писал и даже не думал об этом»¹⁰². К семнадцати годам он начинает читать поэзию постоянно. Любимые стихи он легко запоминал и с удовольствием цитировал большими отрывками и целиком – «На смерть князя Мещерского» Державина, «Осень», «Запустение», «Дядьке-итальянцу» Баратынского, «Сон Попова» А. К. Толстого, множество вещей поэтов двадцатого века – и старшего поколения, и своих сверстников, – что свидетельствует о том, насколько постоянным и подробным было присутствие практически всего корпуса русской поэзии в его долгосрочной памяти.

В 1988 году в Нью-Йорке вышла небольшая антология «An Age Ago» («Век назад») – стихи русских поэтов девятнадцатого века в переводах Алана Майерса. Составлял ее переводчик, а Бродский написал предисловие и небольшие заметки о каждом из одиннадцати поэтов, включенных Майерсом в антологию (в свою антологию Бродский, безусловно, включил бы и Крылова, которого высоко ценил). В каждой заметке за основной, биографической, частью следует краткая оценочная: в чем сила данного поэта, что нового сказал он в русской поэзии. Эти заметки являются неплохим индикатором предпочтений и идиосинкразий Бродского. Он с энтузиазмом пишет о Батюшкове («мастер развернутой элегии, в которую по ходу развития втягиваются различные культурные, исторические и психологические реалии, завершающейся торжественной, нередко литургически интонированной, кодой»), Вяземском («превосходный, хотя недооцененный поэт... „критический реалист“...»), Пушкине («Ничто не имело большего влияния на русскую литературу и русский язык, чем эта тридцатисемилетняя жизнь»), Баратынском («часто

100 Одно время под влиянием Уманского и его кружка (см. ниже) Бродский интересовался и оккультизмом, пытался, например, читать трактат русского мистика начала XX в. В. Шмакова «Арканы Таро» (см. *Мейлах* 1997. С. 162). Это увлечение скоро прошло, но оставило некоторый след в поэме «Исаак и Авраам». Позднее в стихотворениях «Два часа в резервуаре» (1965) и «Речь о пролитом молоке» (1967) встречаются резкие выпады против оккультизма.

101 СИБ-2. Т. V. С. 345.

102 См. *Волков* 1998 С. 34.

превосходит своего великого современника в жанре философского стихотворения»), Языкове («самые звонкие, самые энергичные стихи того периода, равные пушкинским, а иногда и превосходящие их»), Лермонтове («поэт колоссальной лирической интенсивности»), А. К. Толстом («поэт уникально гибкий и разнообразный... Учитывая происшедшее со страной в двадцатом веке, то, что его современники принимали за эскапистские или ностальгические мечтания, обернулось предупреждением и пророчеством»). Остальные отзывы прохладны. Заслуга Жуковского только в том, что он ввел в русскую поэзию жанр баллады. Фет «пронзительно лиричен» и писал лирические миниатюры несколько в «японском» духе. Некрасов наблюдателен, незначителен как лирический поэт, зато умел придать лиризм гражданским стихам. Тютчев уступал Баратынскому в конкретности философской лирики, написал много сервильных стихов, его поздняя любовная лирика запоминается, потому что ему удастся «сочетать философичную пронзительность с духом естественности и случайности». Заканчивается заметка о Тютчеве ироническим упоминанием, что среди его поклонников был Ленин¹⁰³.

Поэтические пристрастия и отталкивания указывают на то, куда уходят корни поэтики Бродского, на генетические черты его поэтической индивидуальности. Литературная критика обычно сосредоточивает внимание на том, как поэт, стремясь быть самим собой в своем времени, видоизменяет или разрушает унаследованные способы выражения, но то, что унаследовано, навсегда остается органической составляющей его поэзии. Генезис стиля Бродского, то «лица необщее выраженье», о котором он говорил в своей «Нобелевской лекции», ставит его особняком в поколении поэтов, пришедших в литературу между серединой пятидесятых и серединой шестидесятых годов. Мандельштам писал: «И не одно сокровище, быть может, / Минуя внуков, к правнукам уйдет...» В переводе на прозу это означало, что он возводит свою собственную поэтику, минуя символизм, русскую поэзию второй половины и середины девятнадцатого века, к Пушкину и его эпохе¹⁰⁴. Это было лишь отчасти верно для Мандельштама и уж совсем неверно для таких его великих современников, как Ахматова и Пастернак, чья поэтика сложными путями влияний и преодоления влияний связана и с творчеством предшествующего поколения – Анненского, Блока, Кузмина, Вяч. Иванова, – и с предшественниками предшественников – Случевским, Фетом, Полонским, Некрасовым, – и с более ранними Тютчевым, Бенедиктовым, Каролиной Павловой.